

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ВОЛОГОДСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РАН

ИНФОРМАЦИОННЫЙ
ВЫПУСК № 141
(2195)

Серия

«ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ»

ВолНЦ РАН продолжает знакомить своих подписчиков с наиболее интересными, на наш взгляд, публикациями, затрагивающими актуальные вопросы российской экономики и политики.

В выпуске представлена статья доктора исторических наук А.В. Малашенко «Как быть с Центральной Азией», опубликованная в «Независимой газете», № 256, 22 ноября 2022 года.

Вологда
ноябрь 2022

Как быть с Центральной Азией

Нужна стратегия выстраивания отношений с учетом многовекторности политики региона

Комментировать печальную, осторожную и честную статью о «тревожных тенденциях», о «вялой, невнятной политике России» в Центральной Азии директора Агентства этнонациональных стратегий Александра Кобринского («НГ» от 30.10.22) несложно хотя бы потому, что «комментатор» с автором статьи по большому счету согласен.

В то же время этот материал можно сопроводить некоторыми рассуждениями, тем более уместными в контексте только что состоявшихся выборов президента Казахстана. Эти рассуждения и комментарии, увы, позитива тоже не добавляют. Но правда необходима, хотя она слишком часто глушится выступлениями политиков и особенно пропагандистов, которые, рассуждая об отношениях России со странами Центральной Азии, пытаются доказать неспособность этих стран существовать без России, а порой их искусственность как государств, постоянно подчеркивая, что трудности в отношениях РФ с государствами региона – исключительно дело рук Запада.

Однако адекватному пониманию сложившейся ситуации все это не способствует. Ситуация же непростая, а доминирующие тренды – скорее негативные.

А они таковы. Во-первых, страны региона не склонны поддерживать действия России в Украине. Во-вторых, их раздражают бестактные высказывания некоторых московских политиков о «неполноценности» государств ЦА. В-третьих, они удивлены медлительностью военной активности России. В-четвертых, они не готовы и не будут присоединяться к введенным против России санкциям. В-пятых, дорожат отношениями с Европой и Америкой. В-шестых, понимают, что ослабленная Россия вряд ли будет способна оказывать им помощь, какую она оказывала до февраля нынешнего года. Отсюда скептическое отношение к организациям под эгидой России – Евразийскому экономическому союзу, Организации Договора о коллективной безопасности.

Попросту говоря, государства Центральной Азии поступают в соответствии со своими националь-

ми интересами. И эти интересы не всегда совпадают с российскими. Российский вектор слабеет.

В регионе выросло и сформировалось новое поколение, для которого неизвестны карты, где центрально-азиатские государства раскрашены общесоветским розовым цветом. Уважения к в одночасье рассыпавшемуся Советскому Союзу и бесконечной благодарности к его наследнице России они уже не испытывают, тем более что в учебниках истории давно пишут не то, что писали в советских. Да и российские федеральные телеканалы уже не пользуются в регионе былым доверием.

Кремлю, выстраивая политику в Центрально-Азиатском регионе, придется думать не о славном советском, включая Великую Отечественную войну, прошлом, но о будущем, о новом подросшем поколении, для которого, в отличие от их отцов и дедов, английский язык не менее, а то и более важен, чем русский.

Восторг перед общим историческим прошлым в центрально-азиатском обществе, особенно среди молодого поколения, истаял. Как нет восторга от нынешней ситуации.

Претензии к России существуют почти во всех центральноазиатских столицах. Выражается это по-разному, но то, что никто в регионе не признал независимости ЛНР и ДНР и тем более их вступления в состав Российской Федерации, – наглядное тому свидетельство. Это не Сирия или Северная Корея.

Еще одно свидетельство тому – скептическое восприятие в Центральной Азии антизападной риторики Москвы, неучастие некоторых ведущих политиков в проводимых под эгидой России мероприятиях и прочее.

После участия ОДКБ (де-факто России) в январских событиях в Казахстане в Кремле, похоже, возникла уверенность, что «спасенный» им президент Касым Жомарт Токаев в благодарность за «спасение» станет самым надежным союзником Москвы. Этого, однако, не случилось. Надежды России на подобную благодарность вызвали своего рода обиду из-за ощущения комплекса непол-

ноценности. «Казахстанское спасибо» обернулось словами Токаева о невозможности признать независимость ЛНР и ДНР.

Добавим к этому разочарование российской политикой Таджикистана и Кыргызстана, которые в разных ситуациях рассчитывали на поддержку Москвы. Ну и, наконец, «безмолвие» ОДКБ, которую рассматривают в регионе как некую фикцию. От кого эта организация гарантирует региональную безопасность?

Волей-неволей возникает и такой обидный вопрос: воспринимается ли сегодня Россия с ее менее чем 2 % от мирового ВВП и затянувшейся спецоперацией в Украине как великая мировая держава? Речей на самых высоких российских трибунах для поддержания такого имиджа уже недостаточно.

Национальные интересы центрально-азиатских государств, раздумья о будущем все больше определяются сотрудничеством с иными странами, которые проявляют к региону все больший интерес. Многовекторность становится более определенной.

Ссориться с Западом в Центральной Азии никто не собирается. Будут договариваться, что сегодня и наблюдается.

Кобринский пишет, что американцы стремятся к тому, чтобы разделить государства региона «на ханства и байства». Вот тут я с ним не согласен. Западу, американцам в частности, Центральная Азия нужна в современном, ориентированном на модернизацию, на адаптацию к иным ценностям виде. Им не нужен еще один Афганистан, традиционалисты и радикалы, включая сторонников исламизма.

Вытесняет ли из региона Россию также Турция? И да, и нет. С одной стороны – пантюркизм, этнокультурная близость, некий общий, точнее, «полуобщий» новотюркский язык, военнотехническое сотрудничество. А с другой стороны, в Центральной Азии хотят денег, а в Турции их еще меньше, чем у России.

То, что из Центральной Азии уходит русский язык, очевидно. Язык для местной молодежи – это не Лев Толстой (которого и в России почти не читают), а инструмент для приобщения к современным технологиям. Русский язык в регионе отно-

сится к эпохе приобщения, к тому, что тогда было современным. Теперь другие времена.

Российская империя в XIX веке завоевывала Туркестан, приспособливая его к себе ценой огромных усилий и немалых потерь. Как ни относиться к советской власти, которая была часто жестокой и несправедливой, превратить Туркестан в современную по тем временам современную Среднюю Азию она сумела, как бы этому ни относились нынешние националисты.

В XXI веке обесценивается то, что создавалось на протяжении полутора столетий и было своего рода символом, простите за выражение, той настоящей империи, конкурировавшей со столь ненавидимыми ныне «англосаксами».

«Не нужно иллюзий, – пишет Кобринский, – отношения слабеют». Спорить бессмысленно. Но это пока не катастрофа. Россия останется важным вектором, инструментом для поддержания суверенитета, инструментом, который дает возможности для торга с США, теми же турками, Китаем.

Ослабление привязанности к России Центральной Азии в целом наносит ущерб незападному направлению российской внешней политики.

Успешность российско-центрально-азиатских отношений в первую очередь зависит от самой России, от мудрости ее курса, от способности поддерживать интерес центрально-азиатских государств к своему северному соседу.

«Геополитическое противостояние, – пишет Кобринский, – закаляет Россию». И тут я опять с автором не согласен. Такое противостояние скорее тормозит ее развитие – это «закаливание», которое ведет к экономическому упадку, если не сказать катастрофе.

При желании многие негативные для России последствия можно было предугадать. Но для этого, принимая какие-либо ответственные решения, нужно располагать абсолютно точной информацией, осознанием того, кто и как к твоему решению отнесется. В общем, думать, а потом уже – делать.

Алексей Всеволодович Малашенко
д.и.н., гл.н.с. Центра ситуационного анализа
ИМЭМО РАН им. Е.М. Примакова